

Шестнадцатом праздничном письме Феофил уже более конкретно обвиняет александрийского мыслителя. Так, он указывает, что Ориген склонялся к идее о конечности Царства Божия (когда оно закончится, то Христос будет лишен вечности, а дьявол будет освобожден и вознесется к своей первоначальной славе) (Theophilus Sixteenth festal letter, 5; Theophilus Sixteenth festal letter, 8). Также Феофилу противоестественно представление Оригена о том, что он не верит в божественную природу Христа и тем самым оскорбляет его (Theophilus Sixteenth festal letter, 14). Особое внимание александрийский патриарх уделяет защите Оригеном магических искусств (здесь следует отметить, что Феофил сближает понятия «магия» и «идолопоклонство» (называя их «злом»), что не совсем корректно) (Theophilus Sixteenth festal letter, 16).

В заключении следует отметить, что переводческая работа над письмами Феофила еще должна состояться в среде российских историков. Эти труды смогут открыть новые грани интеллектуального наследия Феофила Александрийского и возможно (как в ситуации с пасхальными письмами) вскрыть новые пласты в формировании христианской доктрины в позднеантичный период.

1. Пасхальная хроника / пер. с греч. Л. А. Самуткиной. – СПб. : Алетея, 2004. – С. 18–54.
2. Krusch, B. Der 84-jährige Osterzyklus und seine Quellen / B. Krusch. – Leipzig, 1880. – URL: <https://archive.org/stream/> (date of access: 25.02.2025).
3. Belenkiy, A. The Novatian «Indifferent Canon» and Pascha in Alexandria in 414: Hypatia's Murder Case Reopened / A. Belenkiy // *Vigiliae christianae*. – 2016. – № 70. – P. 373–400.
4. Пролог Феофила Александрийского: основные аспекты установления дня Святой Пасхи. – URL: <http://www.orthedu.ru/uchposob/patrolog/17188-prolog-feofila-aleksandriyskogo.html> (дата обращения: 25.02.2025).
5. Компаниец, Л. В. Орнаменты идеи реинкарнации в философии Оригена и Лактанция / Л. В. Компаниец // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. – 2014. – № 8-1. – С. 182–185.
6. Russell, N. Theophilus of Alexandria / N. Russell. – London : Routledge, 2006. – 222 p.

Литовченко Е.В.
ЛАТИНСКИЕ ЭПИСТОЛЯРНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ КОРПУСА ПИСЕМ СИДОНИЯ)

Ключевые слова: Поздняя Античность, письма, эпистолярная коллекция, Сидоний Аполлинарий.

Эго-документы, источники личного происхождения, каковыми, безусловно, являются письма – тексты, сигнализирующие о цели их создания через форму или структуру, обращаясь от одного человека к другому. Письмо – это диалог или общение с кем-то отсутствующим, как если бы он или она присутствовали; записанная речь; отражение личности автора письма [11, с. 207]. Именно письма позволяют исследователям почувствовать атмосферу прошлого, по-герменевтически «вжиться в эпоху», поскольку информация, заложенная в них, носит отпечаток той культуры, в недрах которой эти письма создавались, отличается глубокой саморефлексией, крайне эмоциональной реакцией автора на происходящее, направлена на его самопрезентацию.

Литературная переписка уходит своими корнями еще в Древнюю Грецию, в древнеримской цивилизации первым на этой ниве, заложив основы латинского письмописания, становится Цицерон, а коллекций писем, относящихся к эпохе Поздней Античности, насчитывается порядка тридцати. Это собрания посланий, как языческих, так и христианских авторов, среди которых сохранились латинские эпистолярные тексты Авсония (ок. 310 – ок. 395), Симмаха (ок. 345–402), Амвросия Медиоланского (ок. 340–397), Августина Гиппонского (354–430), Сидония Аполлинария (ок. 430 – ок. 486), Эннодия Павийского (ок. 473–521) и др.

Здесь необходимо сразу же определиться с используемыми в нашем исследовании категориями – «корпус или собрание писем» и «коллекция писем», между которыми есть существенная разница. Корпусом писем можно считать все сохранившиеся послания одного автора, в то время, как коллекция подразумевает, прежде всего, «последующую деятельность редактора в отношении готовых писем» [6, р. 3], и это основополагающий, хотя и не единственный признак, т.е., коллекции, по сути, это письма, которые были собраны и обнародованы либо во время, либо после жизни их создателя. Кроме того, зачастую, письма в коллекции располагаются не в хронологическом порядке, а согласно другим принципам, например, тематическому или по адресатам. Преднамеренный отход от хронологического порядка говорит об искусственном характере собрания писем, а, следовательно, подразумевает редактуру с определенными целями, как правило, связанными с тем имиджем, который хочет создать автор.

В большинстве позднеантичных коллекций писем можно выделить следующие общие черты: 1) собранные воедино послания одного автора с целью их последующего обнародования; 2) отредактированные им же, либо редактором (при жизни автора или после его смерти); 3) нарушающие хронологический порядок их создания в пользу тематического разнообразия для поддержки устойчивого интереса читателя; 4) отражающие мотивацию автора, связанную с самопрезентацией.

Регулярный обмен письмами создавал своего рода эпистолярную сеть, связывающую единомышленников, которыми, как правило, выступали представители высшего социального слоя, получившие риторическое образование и, в силу этого обстоятельства, занимающиеся литературной деятельностью. В зависимости от цели автор отбирал впоследствии те письма от него и к нему, которые работали на его самопрезентацию. Таким образом, эпистолярная коллекция являлась конструктом, а не объективно отражающим реальность явлением. По этой причине, некоторые исследователи не придают большого значения исторической ценности позднеантичных коллекций писем, в силу того что событийный компонент в них отражен гораздо слабее, чем в исторических источниках Поздней Античности. Так, Д. Брэдли считает письма Руриция Лиможского совершенно незначительными для источниковедения, поскольку они обходят своим вниманием ключевые события эпохи, сосредотачиваясь на бытовых мелочах [4, р. 268]. Нужно признать, что в целях саморекламы авторы посланий должны писать не об обстоятельствах, о которых они могут иметь информацию, а о событиях, в которых они играют заметную роль и, зачастую, это не самые крупные явления эпохи. Однако для историка, который хочет взглянуть на изучаемый период с позиций микроистории, через призму восприятия современника ушедших эпох, письма – бесценный материал, как пишет Г. С. Кнабе, «не события времени, а человек времени, его душа и материальный мир, его окружавший» наполняют корреспонденцию [1, с. 518].

В целом, работая с подобными специфическими источниками, нам необходимо с гораздо большей осторожностью подходить к ним, нежели к нормативным документам или историческим сочинениям, хотя, очевидно, что определенная тенденциозность свойственна любому произведению конкретной эпохи, так как оно создается субъектом общественных отношений. Однако здесь прежде всего должен учитываться такой фактор, как стремление автора коллекции писем создать определенный образ, демонстрирующий те черты, которые воплощают его замысел и импонируют не только современной ему аудитории, но и, возможно, будут оценены по достоинству потомками. П. Хизер, склонный проводить параллели с современностью, говорит, что такая ситуация требует от историка взгляда на античных авторов, как на продавцов подержанных автомобилей, при общении с которыми требуется большая осторожность [3, с. 11]. При всей грубости сравнения, сентенция сама по себе не лишена смысла.

Учитывая все вышеизложенное, попробуем выявить указанные черты в коллекции писем Сидония Аполлинария, представителя высшей senatorской знати, зятя императора Авиты и впоследствии епископа Клермона. Его сохранившаяся коллекция насчитывает 147 посланий [10], из которых одно письмо написано Клавдианом Мамертом.

Сидоний издал первую часть своей коллекции писем после обретения городской префектуры, и большинство его писем датируются последними двумя десятилетиями его жизни. О том, что письма отбирались, а тексты посланий подверглись значительной редакции автор коллекции прямо или косвенно говорит сам: когда он опубликовал свои личные письма, он, как и Плиний, утверждал, что пересмотрел их с точки зрения стилистики, подразумевая, что прежде они не соответствовали тому уровню блеска, который ожидался его образованной аудиторией (Sid. Ep. 1. 1 = Plin. Ep. 1. 1). Редакцию могли доверить и облеченным доверием автора друзьям, как в случае с Констанцием: Сидоний написал ему, что «отправляет письма не просто для проверки, но для шлифовки и, как говорится, чистки от ненужного» (Ep. 1. 1, 3) [см. 2, с. 200–203]. Коллекции циркулирующих писем постоянно редактировались, исправлялись, обновлялись и распространялись как друзьями, так и самим автором, что видно, например, по трем версиям произведений Авсония, которые имели хождение повсеместно [8, p. 66–67].

О целенаправленном собирании коллекции Сидоний сообщает нам в первом же письме, которое показывает, что первая книга явилась на свет по настоянию его друга Констанция, но следующие шесть книг воспринимаются вполне самостоятельными. Последнее письмо седьмой книги снова адресовано Констанцию, однако первое – этой же книги позволяет предполагать, что вдохновителем нового тома был Петроний. Девятая книга была инспирирована Фирминием и ему же посвящена.

Взяв на вооружение эпистолярную модель Плиния Младшего Сидоний разбил корпус писем на 9 книг, при этом все собрание из 147 посланий можно рассматривать как совокупность микроколлекций. Первые пять книг посвящены светской карьере автора, вершиной которой стало получение звания префекта Рима (Sid. Ep. 1. 9, 1), и их можно считать первой микроколлекцией. В тот период Сидоний и не помышлял о том, что оставит столь успешную карьеру и продолжит ее на церковном поприще. Когда система аристократических достижений оказалась недоступна, он быстро приспособился к своему новому политическому статусу в качестве епископа Клермона [5, p. 24]. В период между 469 и 471 гг. он обретает кафедру, поэтому книги 6–7 объединяют так называемые «епископские» послания Сидония, составляющие вторую микроколлекцию.

Первую книгу своей корреспонденции он обнародовал в 469 г., основную часть сборника, книги 2–7, в 477–478 гг., книга 8 увидела свет в 480 г., и, наконец, 9 книга была опубликована в 482 г. [см. 7, p. 221–248]. Однако, алгоритм конструирования коллекции базируется не на хронологии, по явному замыслу автора, в основу положен эстетический принцип. Сидоний отобрал для последующей публикации в виде книг «отшлифованные письма, различающиеся по сюжетам, адресатам и датам» (Ep. 1. 1, 1). Собрание в целом посвящено Констанцию (Ep. 1. 1 и 8. 16), книга 9, адресованная Фирминию (Ep. 9. 1, и 9. 16), добавлена как приложение, в соответствии с «плиниановой моделью». Таким образом, письма-посвящения задают единство внутренней структуры сборника. Как автор этих писем Сидоний представляет себя в трех ролях – государственного деятеля, лирического поэта и достойного епископа (Ep. 1. 1 и 9. 16).

Завершающие письма коллекции, которые вошли в книгу 9, хронологически охватывают период от 472 до 484 г., были отобраны дополнительно (Ep. 9. 1) и несколько разрушают тот образ духовного наставника, который Сидоний стремился создать в книгах 6–7 и, отчасти, 8. В последней книге в нескольких посланиях автор постоянно рефлексировал по поводу своего поэтического творчества, говоря, что он сочинял и «героические стихи», и

«многое соткал в более легком ключе, элегии в шесть футов превратил в две цезуры, воспевал славу в одиннадцатисложниках; часто пел сапфическим размером, редко – стремительным ямбом» (Ер. 9. 16, 3). При этом, он весьма сожалеет о «легкомысленных занятиях молодости», подчеркивая, что «пустая слава поэта может запятнать аскетизм священника» (Ibid.) Тем не менее, очевидно, что именно свой талант поэта и эпистолографа Сидоний считает определяющим и именно эта роль становится стержнем его самопрезентации. По словам С. Мрачек, многочисленные микроколлекции Сидония, сначала распространенные независимо, но позже собранные в единую макроколлекцию, возвели на пьедестал именно его поэтический опыт [9, p. 312].

Таким образом, на примере коллекции писем Сидония Аполлинария мы убеждаемся в том, что письма тщательно отбирались и редактировались, главной целью их публикации становилась самопрезентация автора, следовательно, воспринимать их, как непреднамеренные свидетельства нецелесообразно. Однако поскольку письма отражают личность их создателя и его повседневную жизнь, его эмоции по поводу происходящего, исследователь может обнаружить в них массу важных деталей, помогающих реконструировать образ позднеантичного общества.

1. Кнабе, Г. С. Античное письмо / Г. С. Кнабе // Древо познания – древо жизни. – М. : РГГУ, 2006. – С. 502–525.
2. Литовченко, Е. В. Сидоний Аполлинарий. Письма (I.1; II.8; IV.12). Перевод / Е. В. Литовченко // Классическая и византийская традиция. 2011. – Белгород : БелГУ, 2011. – С. 200–203.
3. Хизер, П. Падение Римской империи / П. Хизер ; пер. с англ. А.В. Короленкова и Е.А. Семеновой. – М. : АСТ ; Астрель, 2011. – 795 с.
4. Bradley, D. R. The Letters of Ruricius (Review: H. Hagendahl: La Correspondance de Ruricius. Pp. 108. Gothenburg: Wettergren & Kerber, 1952) / D. R. Bradley // The Classical Review. – 1954. – 4(34). – P. 268–269.
5. Hanaghan, M. P. Reading Sidonius' Epistles / M. P. Hanaghan. – Cambridge : Cambridge University Press, 2019. – 256 p.
6. Late Antique Letter Collections. A Critical Introduction and Reference Guide / ed. by C. Sogno, B. K. Storin, E. J. Watts. – Oakland : University of California Press, 2017. – 488 p.
7. Mathisen, R. W. Dating the Letters of Sidonius / R. W. Mathisen // New Approaches to Sidonius Apollinaris / ed. by J. A. van Waarden and G. Kelly. – Leuven : Peeters, 2013. – P. 221–248.
8. Mathisen, R. W. The "Publication" of Latin Letter Collections in Late Antiquity / R. W. Mathisen // Zwischen Alltagskommunikation und literarischer Identitätsbildung. Studien zur lateinischen Epistolographie in Spätantike und Frühmittelalter. – Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2018. – P. 63–84.
9. Mratschek, S. The Letter Collection of Sidonius Apollinaris / S. Mratschek // Late Antique Letter Collections. A Critical Introduction and Reference Guide / ed. by C. Sogno, B. K. Storin, E. J. Watts. – Oakland : University of California Press, 2017. – P. 309–336.
10. Sidonius Apollinaris. Epistolae et carmina // Monumenta Germaniae Historica. Auctorum Antiquissimorum. Tomus 8. Sidonius, Faustus, Ruricius / C. Luetjohann and B. Krusch (eds.). – Berlin : Weidmann, 1887. – 484 p.
11. Zelzer, M. Linien der Traditionen und Editions-geschichte der ambrosianischen Briefe am Beispiel des zehnten Briefbuches und den Briefen extra collectionem / M. Zelzer // Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. – 1980. – Bd. 117. – P. 207–230.

Мирзаев Д.З.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ДРЕВНЕГО ПЕРИОДА

Ключевые слова: Центральная Азия, этническая история, древний период, источники, Авеста, китайские тексты, тамга.

История населения Центральной Азии до второго тысячелетия до Р.Х. изучается, как правило, на основе археологического материала, так как письменные источники этого времени остаются пока неизвестными. В конце II тысячелетия до Р.Х. Центральную Азию завоевала общность, которая ассоциируется с индоевропейским этносом, разрушившая древнюю цивилизацию эпохи бронзы, население которой, как считают одни ученые, было пратюркским и дравидским, а другие – было связано с хурритами и